

КОМБАТАНТЫ В ИСТОРИИ РОССИИ

УДК 94(470+571)"18":355

doi: 10.17072/2219-3111-2016-2-42-50

ОФИЦЕРЫ ПОЛЕВЫХ ЧАСТЕЙ СИБИРСКОГО КОРПУСА В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

А. В. Дмитриев

Новосибирский государственный национальный исследовательский университет, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2
khaldeus@academ.org

Анализируется кадровый состав офицерских чинов полевых частей Сибирского корпуса в конце 1780-х гг. На основе архивных материалов восстановлены его основные параметры: происхождение, материальное положение, карьерные особенности, боевой опыт и дисциплинарные показатели. Сделаны выводы о преобладании среди офицеров выходцев из дворян, принадлежавших к мелкопоместным фамилиям, увеличении доли молодых офицеров, ранее числившихся в составе гвардии.

Ключевые слова: Сибирский корпус, полевые части, офицеры, русская армия, дворянство, гвардия.

Кадровый состав и внутренняя организация воинских частей в составе Сибирского корпуса в последние десятилетия XVIII в. до сих пор остается своего рода «белым пятном» в военно-исторических исследованиях. Состояние русской армии в целом во второй половине XVIII столетия, особенно в период правления Екатерины II, было проанализировано в ряде монографий [Бескровный, 1958, с. 311–321; Леонов, Ульянов, 1995, с. 123–135], однако в них не затрагивались вопросы, связанные со спецификой положения отдельных воинских частей и высших тактических соединений (дивизий и корпусов) в разных регионах империи. Особенно «не повезло» в этом отношении подразделениям Сибирского корпуса. До сих пор не введены в научный оборот данные об их личном составе и организационной структуре в 80-е и 90-е гг. XVIII в. Опубликованные исследования либо затрагивают, как правило, более ранние периоды истории корпуса [Андрейчук, 2009; 2010, с. 16, 17; 2011], либо посвящены отдельным подразделениям, дислоцировавшимся, например, в Забайкалье [Быконя, 1985, с. 186; Зувев, 1994, с. 34]. Именно поэтому мы поставили задачу дать по мере возможностей обобщенную картину того, что представлял собой офицерский корпус сибирских полевых полков и батальонов к концу Екатерининской эпохи, перед началом тех кардинальных преобразований, которые стал осуществлять в русской армии Павел I.

Источником для настоящей публикации послужили формулярные списки офицеров подразделений Сибирского корпуса из фонда № 489 («Формулярные списки и другие материалы о службе личного состава русской армии») Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Нами были изучены содержащиеся в них сведения о лицах в чинах штаб- и обер-офицеров, состоявших в двух драгунских полках, двух егерских и двух мушкетерских батальонах. Это практически половина всех полевых частей Сибирского корпуса, включавшего три полка (кроме двух драгунских еще Ширванский мушкетерский, в 1786 г. лишь переведенный в корпус) и девять батальонов (кроме указанных еще два мушкетерских и три отдельных пехотных: Екатеринбургский, Семипалатинский и Колывано-Воскресенский). Подобная выборка является достаточно репрезентативной и позволяет судить о качественном составе офицерского корпуса сибирских частей. В этих списках мы находим информацию о сословном происхождении, развитии служебной карьеры, боевом опыте и дисциплинарных показателях этих лиц. Специфика данного вида источников подробно рассмотрена К. В. Татарниковым [Татарников, 2013].

Конкретно нами были использованы данные об Иркутском и Сибирском драгунских полках, 1-м и 2-м егерских, а также 5-м и 6-м мушкетерских батальонах за 1788 г. (только список Иркутского полка относится уже к началу 1789 г.) (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1292, 1989, 2366, 2562).

Несколько слов об истории этих воинских частей. Егерские батальоны были сформированы в

1775 г. из состава бывших легких полевых команд (когорт) и дислоцировались в Западной Сибири на пограничных линиях (Полное собрание..., 1830, т. 43, ч. 1, с. 200, 201) [Висковатов, 1899, с. 12, 13; Зуев, Дмитриев, 2012, с. 24]. Четыре мушкетерских батальона (3-й, 4-й, 5-й и 6-й) появились в составе Сибирского корпуса относительно недавно, в 1785 г. [Висковатов, 1899, с. 14]. Сибирский драгунский полк, несший службу на линиях, также включал бывшие роты полевых команд. Сформированный в 1775 г., он получил свое имя в январе 1777 г. после высочайшего утверждения императрицей доклада Военной коллегии (Полное собрание законов..., 1830, т. 20, с. 484, 485) [Висковатов, 1899, с. 21, 22; Зуев, Дмитриев, 2012, с. 24]. Иркутский же полк был скомплектован лишь в конце 1786 – начале 1787 г. и расположен на Иртышской и Кольвано-Кузнецкой линиях [Альбовский, 1902, с. 35; Зуев, Дмитриев, 2012, с. 24]. По изученным нами формулярным спискам в составе упомянутых выше двух полков и четырех батальонов числились 19 штаб-офицеров и 186 обер-офицеров, всего 205 чел. Проанализируем сведения о них, используя указанные критерии.

Прежде всего, в корпусе офицеров заметно преобладали имеющие «благородное» происхождение. Так, из 17 штаб-офицеров, у которых указано сословное происхождение, шестеро принадлежали к российскому дворянству, семеро показывали себя выходцами из остзейских (прибалтийских) и европейских дворян. Из обер-офицеров к российским дворянам принадлежали 79 чел. (включая представителей малороссийских и грузинских фамилий, а также сибирских уроженцев), а еще 32 чел. писались обер-офицерскими детьми – так назывались сыновья офицеров недворянского происхождения, которые родились до получения их отцами первого офицерского чина, приносившего потомственное дворянство [Волков, 1993, с. 55]. Следовательно, более половины интересующих нас лиц (111 из 186 чел., почти 60 %) могли с полным основанием считать себя представителями «благородного российского шляхетства». Из оставшихся 37 чел. были выходцами из семей чиновников, военнослужащих (как правило, рядовых солдат), церковнослужителей. Еще 24 чел. относились к лицам этнически нерусского происхождения – западноевропейцам, полякам, остзейцам. Относительно 14 чел. данных нет, поскольку в момент составления списков они отсутствовали в расположении своих частей.

В этом отношении сразу бросается в глаза существенное отличие кадрового состава указанных подразделений от кадрового состава офицеров гарнизонных батальонов Сибирского корпуса. Там в середине 1780-х гг. дворяне вместе с обер-офицерскими детьми составляли менее трети (РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 494. Л. 325–381; Д. 508. Л. 786–850). Но в полевой службе численность выходцев из «благородного шляхетства» неуклонно возрастала уже с первых лет царствования Екатерины II, это заметно даже по кадровому составу дислоцировавшихся в Сибири подразделений [Дмитриев, 2015а; 2015б]. С другой стороны, тот факт, что почти пятую часть обер-офицеров в рассматриваемых нами частях составляли лица, выслужившие дворянство, поднимаясь по карьерной лестнице из рядовых, показывает, что даже к концу XVIII столетия армия продолжала сохранять значимость в качестве канала вертикальной социальной мобильности, позволявшего выходцам «снизу» преодолевать сословные перегородки.

Однако можно ли считать офицеров-дворян сибирских полков и батальонов соответствовавшими распространенному образу «блестящих дворян, высокообразованных, знающих многие языки и одинаково чувствовавших себя и под ядрами и на великосветских балах» [Леонов, Ульянов, 1995, с. 128]? Разумеется, нет, и в этом мы согласны с цитируемыми авторами. Дело в том, что практически все эти люди происходили из провинциальных дворянских фамилий, зачастую владевших ничтожным числом крепостных душ, так что ни о каком светском образовании и материальном достатке в данном случае и речи идти не могло. Лучше всего иллюстрируют это показатели душевладения. Из 79 дворян к земле- и душевладельцам относились 74 чел. (у двоих сибирских и троих малороссийских дворян владельческих прав не было), правда, о шестерых из них в списках отсутствует соответствующая информация. Имеющиеся же данные позволяют представить следующую картину.

Полноправными собственниками имений и крепостных душ могли показать себя только 13 чел., в том числе четверо владели собственностью совместно со своими родными братьями. Еще семеро, номинально числясь помещиками, вообще не располагали ни одной ревизской душой. Все остальные только ожидали вступления в права владения, поскольку имения принадлежали кому-либо из их родителей, как правило, отцу, редко – матери. При этом более 100 душ мужского пола

(далее – м. п.) числили за своими родичами всего 6 чел.; от 50 до 100 душ – тоже 6 чел.; еще у 10 чел. этот показатель составлял от 20 до 50 душ м. п.; у подавляющего же большинства (39 чел.) в семейном владении находилось менее 20 душ м. п. Следует учитывать, что во второй половине XVIII в. только наличие более сотни душ позволяло отнести дворянина к помещикам среднего достатка, те же, кто не имел более двух десятков крепостных, считались даже не мелкопоместными, а просто бедной. Поэтому из 68 интересующих нас лиц к последним причислялись 46 чел. – фактически две трети. Уже одно это дает понять, какой дворянский контингент попадал на службу в правые части Сибирского корпуса в описываемый период.

Редкие исключения не меняли общей картины. Отец поручика 1-го егерского батальона Е. Ушакова был собственником 350 душ м. п. в Новгородской губернии, отец «малороссийского шляхтича» Н. Селивановича, поручика 2-го егерского батальона, владел 203 душами в Новгород-Северском наместничестве (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1989. Л. 30 об., 31, 78 об., 79). Нескольких отпрысков сравнительно обеспеченных помещиков мы находим в составе 6-го мушкетерского батальона: поручиков Н. Коренева (250 душ за отцом в Орловском наместничестве), Н. Белевцова (отец владел 258 душами м. п. в Курском и Харьковском наместничествах), П. Абаза (у отца 106 душ в Воронежском наместничестве), В. Симановского (102 души во владении отца в Таврическом и Киевском наместничествах) (Там же. Д. 1292. Л. 81 об. – 83, 85 об., 86). Среди полноправных собственников имений выделялся лишь капитан 2-го егерского батальона И. Назаров, которому принадлежали 60 душ в Белозерском уезде Новгородской губернии (Там же. Д. 1989. Л. 69 об., 70). Прапорщики Иркутского драгунского полка П. Смолков и Ф. Перепечин показывали за собой 27 душ в Самарской округе и 22 души в Балашевском уезде Саратовской губернии соответственно (Там же. Д. 2366. Л. 18 об. – 20).

Подобную же картину мы наблюдаем и в среде штаб-офицеров, которые, казалось бы, имели больше шансов превратиться в состоятельных земле- и душевладельцев. Так, командир в 1-го егерского батальона подполковник В. Буйносов писал о себе: «Из дворян Новгородского уезда, за мною мужеска полу 25 душ»; его подчиненный, секунд-майор И. Малеванов, владел там же 10 душами; подполковник и командир 6-го мушкетерского батальона Л. Калантаев имел 20 душ м. п. в Болховском уезде; у секунд-майора Н. Аристова собственником 15 душ в деревне близ Костромы числился его отец (Там же. Д. 1292. Л. 65 об., 66, 69 об., 70; Д. 1989. Л. 21 об. – 23). Отец полковника и командира Сибирского драгунского полка Я. Боувера (судя по всему, из обрусевших иностранцев) располагал 26 душами под Смоленском, а секунд-майор Иркутского драгунского полка М. Миротворцев показывал за собой 10 душ в Симбирском уезде (Там же. Д. 2366. Л. 2 об., 3; Д. 2562. Л. 121 об., 122). Таким образом, выясняется, что даже среди полкового начальства не редкостью оказывались выходцы из сравнительно бедных дворянских фамилий. Между прочим, это лишний раз подчеркивает, почему после Манифеста о вольности 1762 г. основная масса русских дворян не покинула государственную службу, в особенности военную, – потому что им просто некуда было уходить в отставку, ведь рассчитывать прожить на доходы с таких мизерных имений было решительно невозможно.

Вместе с тем обращает на себя внимание довольно стабильная доля лиц нерусского этнического происхождения, имеющих офицерские чины. Так, командир 5-го мушкетерского батальона полковник П. Вильбоа был племянником занимавшего должность генерал-фельдцейхмейстера русской армии в начале царствования Екатерины II генерал-майора А. Н. Вильбоа, который происходил от француза Ф. де Вильбуа, принятого на военно-морскую службу Петром Великим еще на рубеже XVII и XVIII столетий (Там же. Д. 1292. Л. 40 об., 41). Его подчиненный, секунд-майор Ф. Г. Дреер, хотя и называл себя «из иностранцев старых выездов», с полным основанием мог считать себя русским уроженцем и ветераном сибирской службы: его отец, полковник П. Дреер, в середине 1760-х гг. командовал в Сибирском корпусе Вологодским драгунским полком. Несмотря на то что, как сами отмечали оба, они «состоят в вечном российском подданстве», вся семья придерживалась веры их иностранных предков, лютеранского исповедания (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1292. Л. 41 об., 41а; Д. 1985. Л. 26 об., 27; Ф. 490. Оп. 3. Д. 83. Л. 155 об., 156; Д. 127. Л. 445 об., 446). Лифляндскими уроженцами-лютеранами были во 2-м егерском батальоне его командир, подполковник и «ордена Святого великомученика и победоносца Георгия 4-го класса кавалер», И. фон Транзее, а также секунд-майор М. Винерт, сын пастора (Там же. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1989. Л. 62 об. – 64). Обязанности командира Иркутского полка в начале 1789 г. исполнял премьер-майор Х. Сакен,

поскольку назначенные при его формировании полковник Депрерадович и подполковник фон Мейзер пока так и не прибыли к месту службы. Вместе с ним мы находим в том же полку секунд-майора А. фон Трайблута – предки его были прусскими дворянами из уроженцев Померании, а сам он родился в Лифляндии в 1746 г. (Там же. Д. 2366. Л. 2 об. – 4). Младший брат последнего, капитан Х. Г. фон Трайблут, состоял тогда же в Кольвано-Воскресенском полевом пехотном батальоне (Там же. Д. 1985. Л. 26 об., 27). Наконец, в Сибирском полку служили секунд-майоры А. фон Гиленсберг (сын бранденбургского выходца, генерал-майора и обер-коменданта Тобольска в 1770-х гг., который «в российском подданстве вечно быть» не обязавшийся) и голштинiec И. Н. фон Горстен («российскую службу принял вечно и по отставке остаться желает в России») (Там же. Д. 2562. Л. 123 об., 124).

Среди обер-офицеров мы также находим лиц, происходивших из стран, уроженцы которых нечасто попадали в Россию. Например, в 6-м мушкетерском батальоне служил капитан Ф. де Ласси – уроженец Ирландии, но из рода английских дворян-протестантов, к которому принадлежал и знаменитый российский военачальник первой половины XVIII столетия фельдмаршал Петр Ласси. Капитан 2-го егерского батальона Х. де Аникарт представлял Испанию, его отец еще в середине 1740-х гг. прибыл на сибирскую службу подполковником Ширванского пехотного полка (Там же. Д. 1292. Л. 75 об., 76; Д. 1989. Л. 70 об., 71). В Иркутском полку мы обнаруживаем датчанина Ю. Граме в чине поручика, в Сибирском полку – капитана А. Скалона, сына генерал-майора Скалона, который происходил из семьи французских дворян-кальвинистов, осевших в Прибалтике в начале XVIII столетия, и поручика И. фон Сизинга, шведского дворянина, который также решил связать свою судьбу с новой родиной (Там же. Д. 2366. Л. 10 об., 11; Д. 2562. Л. 126 об., 127, 129 об., 130). Целый ряд аналогичных примеров, зафиксированных в формулярных списках, убеждают в том, что к концу XVIII в. офицерский корпус русской армии продолжал оставаться полиэтничным, а перспектива сделать военную карьеру под скипетром Екатерины II привлекала множество желающих из всех государств Европы того времени.

Наконец, присутствие среди офицеров сибирских подразделений нескольких десятков лиц «неблагородного» происхождения означало, что возможность получить выслуженное дворянское звание по достижении обер-офицерских рангов все еще сохранялась. Капитан 5-го мушкетерского батальона М. Суховицкий поступил на службу вольноопределяющимся после того, как был отпущен на волю из дворовых людей; его сослуживец подпоручик В. Яковлев показывал себя «из церковников»; в 1-м егерском батальоне Л. Кузьмин, рекрут из крестьян, также дослужился до чина подпоручика; в Иркутском полку братья Александр и Павел Голубцовы, оба в чинах прапорщиков, были сыновьями полкового лекаря, уроженцами г. Саратова (Там же. Д. 1292. Л. 44 об., 45, 49 об., 50; Д. 1989. Л. 33 об., 34; Д. 2366. Л. 16 об., 17, 19 об., 20). Встречаются среди офицеров также дети чиновников, принадлежавших к самым низшим классам по Табели о рангах, – регистраторов, секретарей, протоколистов. А еще один прапорщик Сибирского полка И. Толмин показал себя «из вольноопределяющихся малороссиян». В целом же большинство таких людей составляли сыновья солдат, только капитан того же Сибирского полка Е. Сапожников происходил из казаков (Там же. Д. 2562. Л. 126 об., 127, 138 об., 139).

Вместе с тем обращает на себя внимание одно явление, вплоть до 1780-х гг. почти нераспространенное, судя по изученным спискам личного состава частей Сибирского корпуса: весьма значительная доля офицеров в прошлом успели хотя бы несколько лет прослужить в лейб-гвардии. Только в 5-м и 6-м мушкетерских батальонах таких обер-офицеров насчитывалось 29 из 46 чел., в обоих егерских батальонах – 19 из 47 чел. Среди драгунских офицеров подобные случаи единичны, бывших гвардейцев в обоих полках среди обер-офицеров оказалось лишь пятеро. Вполне очевидно, что это явилось результатом уже сложившейся практики производства в офицерские чины дворянских отпрысков, позволявшей избежать тягот полевой службы, «проскочив» соответствующие ступени карьерной лестницы и нередко даже не появляясь в столице, а получая новые звания за выслугу лет. Современные исследователи так характеризуют эту практику: «Непомерные злоупотребления этой системой происходили в гвардии, куда стремилось попасть множество молодых дворян. Снабженные весомыми рекомендациями зачастую сразу получали звание капрала или даже сержанта, другие служили рядовыми... Наиболее деятельные быстро становились армейскими офицерами; большинство же и не стремилось покидать уютный гвардейский мирок» [Леонов, Ульянов, 1995, с. 127, 128]. Проверим же, насколько точна данная характеристика, изучив наши материалы.

Действительно, примеров зачисления несовершеннолетних дворян в гвардию и получения ими после этого обер-офицерских чинов в самом молодом возрасте немало. А. Охлябинин был зачислен на службу капралом лейб-гвардии в 1783 г., когда ему исполнилось только 14 лет, уже через полгода он получил чин сержанта, а в 1787 г. был выпущен в полевую армию с чином поручика и записан в 5-й мушкетерский батальон Сибирского корпуса. Аналогичным образом получил чин прапорщика в том же батальоне И. Подольский, капрал лейб-гвардии с 1782 г. (записан на службу в 13 лет) (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1292. Л. 46 об., 47, 53 об., 54). Поручик 1-го егерского батальона И. Греченинов также числился гвардейским капралом с 12 лет (с 1782 г.), а в возрасте 17 лет был выпущен в армию в чине сержанта гвардии (Там же. Д. 1989. Л. 30 об., 31). Список подобных случаев можно продолжать. Однако обращают на себя внимание два обстоятельства.

Во-первых, почти все бывшие гвардейцы оказываются выходцами из бедных дворянских фамилий. Как правило, их отцы числились владельцами нескольких десятков крепостных душ в провинциальных губерниях, но это не мешало им устраивать карьеру своих сыновей. Правда, это обстоятельство, видимо, способствовало тому, что в гвардии такие люди не задерживались и начинали свою реальную воинскую службу именно в полевых армейских частях. Во-вторых, среди них встречаются не только представители «благородного шляхетства», у которых, правда, карьера начиналась отнюдь не в детском возрасте. Скажем, поручик 5-го мушкетерского батальона Д. Щелканов (из обер-офицерских детей) прослужил в лейб-гвардии 11 лет (с 1776 по 1787 г.), достигнув сержантского чина, после чего подобно сослуживцам получил чин армейского поручика, но уже в возрасте 29 лет. А батальонный комиссар И. Матвеев («из поповичей») сначала прослужил 17 лет в полевых частях, после этого был на несколько месяцев зачислен в гвардию, а оттуда направлен в Сибирский корпус в чине прапорщика (Там же. Д. 1292. Л. 46 об., 47, 52 об., 53). А. Соловьев, бывший дворовый человек, пошел на службу вольноопределяющимся в 1781 г., через пять лет был взят в лейб-гвардию капралом, а еще через год направлен прапорщиком в 1-й егерский батальон.

Таким же образом получали обер-офицерские чины и иностранцы. Так, И. Г. Викхорст после четырех лет армейской службы был зачислен в гвардию сразу в чине каптенармуса, а через семь месяцев направлен в Сибирский корпус подпоручиком. Уроженец Штутгарта К. Дебек поступил на военную службу в России в 1778 г. 17-летним юношей, в ноябре 1785 г. стал гвардейцем, а в апреле 1787 г. был выпущен во 2-й егерский батальон в чине поручика (Там же. Д. 1989. Л. 34 об., 35, 36 об., 37, 78 об., 79). Эти примеры позволяют опровергнуть традиционное представление о том, что гвардейские полки комплектовались исключительно дворянами, и предположить, что к концу XVIII в. служба в них стала путем для получения обер-офицерских чинов, используемым выходцами из разных сословных и этнических групп.

Эти особенности комплектования полков и батальонов Сибирского корпуса оказали непосредственное влияние на возраст и срок службы офицеров. Значительное большинство в среде обер-офицеров составляли довольно молодые люди, лишь недавно начавшие свою карьеру. По нашим подсчетам из 166 обер-офицеров, у которых в формулярных списках был указан возраст, 113 чел. (т. е. минимум две трети) имели не более 30 лет от роду. В возрасте от 31 до 40 лет находились еще 43 чел., старше 40 лет было всего 10 чел., а старше 50 – ни одного. При этом лишь в Сибирском драгунском полку доля лиц старше 30 лет немногим уступала доле молодым – 21 против 27 чел. В егерских и мушкетерских батальонах подавляющая часть обер-офицеров была зачислена в полевую службу на протяжении последних двух или трех лет, как и в Иркутском полку, комплектование которого еще не завершилось.

Аналогичную картину мы наблюдаем и в отношении сроков службы этих офицеров. Из 170 чел., для которых в списках был указан воинский стаж, у 75 он не превышал 10 лет, у 68 составлял от 11 до 20 лет. И только 27 чел. «тянули лямку» уже более 20 лет. При этом необходимо иметь в виду широкое распространение практики фиктивной записи на службу дворян в детском возрасте. Кроме того, к стажу сыновей солдат, как правило, начинавших службу после окончания гарнизонных школ, также приплюсовывалось время обучения, а поступали они в эти школы в 13–14 лет. Так что реальный срок воинской службы у многих из этих людей был меньше. Впрочем, встречались здесь и заслуженные ветераны. Например, капитан 5-го мушкетерского батальона И. Апарин, которому в 1788 г. как раз исполнилось 50 лет, находился на службе с середины 1750-х гг., т. е. более 30 лет (Там же. Д. 1292. Л. 42 об., 43). В 1-м егерском батальоне к ветеранам можно было отнести ка-

питанов Б. Давыдова и Ф. Сорокина (41 и 42 года соответственно, начали карьеру в первой половине 1760-х гг.); во 2-м егерском – капитана В. Неклюдова, беспоместного дворянина из Пензенского уезда (42 лет) (Там же. Д. 1989. Л. 25 об. – 27, 70 об., 71). В Сибирском драгунском полку капитан Е. Сапожников и прапорщик И. Рихтер служили с 1765 г., правда, последний не имел непрерывного стажа, поскольку до этого увольнялся «в статскую службу», а потом снова был принят в армию с сохранением прежнего ранга (Там же. Д. 2562. Л. 126 об., 127, 143 об., 144). Даже среди штаб-офицеров мы не находим лиц старше 45 лет, за исключением упоминавшегося секунд-майора Сибирского полка фон Горстена, которому в 1789 г. исполнилось 50 лет, однако он поступил на русскую службу только после Семилетней войны, в 1764 г. (Там же. Л. 123 об., 124).

Опытом участия в боевых действиях обладали, как выясняется, довольно многие из этих офицеров. Соответствующие сведения зафиксированы в формулярных списках у 14 штаб- и 55 обер-офицеров, т.е. соответственно у 74 и 30% их. Большинство этих офицеров участвовали в подавлении мятежа Барской конфедерации на территории Речи Посполитой во второй половине 1760-х гг. и в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг., некоторые совершали походы в Крым, когда русскими войсками подавлялись там выступления татар еще до вхождения полуострова в состав империи во второй половине 1770-х гг. Часть офицеров были переведены на службу в Сибирский корпус из подразделений, что несли пограничную службу на Северном Кавказе, в конце 70-х – начале 80-х гг. XVIII в. отражали набеги горцев на Кавказской линии под Ставрополем. Те же, кто уже давно находился в Сибири, отмечали в своих списках участие в подавлении восстания Е. Пугачева, используя следующую формулировку: «Был в походе в 773 и 774 годах в Таболской и Оренбургской губерниях во время внутреннего замешательства» (см. об этом [Андрейчук, 2009]).

Некоторые из штаб-офицеров могли похвастать ранениями и знаками отличия. Полковник Вильбоа в ноябре 1773 г. при штурме Варны был ранен в правую руку пулей; подполковник Л. Калантаев «за отличные и храбрые поступки, оказанные за Дунаем» в нескольких сражениях с турками (несмотря на полученное ранение в левую ногу пулей навывлет), в 1771 г. был произведен из капитанов в секунд-майоры и «рекомендован к ея императорскому величеству» (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1292. Л. 40 об., 41, 65 об., 66). Подполковник Буйносов с 1771 по 1774 г. находился в Крыму и в 1773 г. был «произведен за многия с неприятелем в действиях оказанныя отличности» в секунд-майоры; подполковник фон Транзее в конце 1770 г. при штурме польского г. Ченстохова получил рану в бок, а через несколько дней был произведен из поручиков в капитаны (Там же. Д. 1989. Л. 21 об., 22, 62 об., 63). Премьер-майор Сакен в июле 1770 г., будучи еще поручиком, участвовал в нескольких сражениях с турками и получил пулю в правое бедро, а в 1771 г., уже капитаном, под Бухарестом «поступил с отличною храбростию». Полковник Боувер (тогда капитан Санкт-Петербургского карабинерного полка) при осаде Силистрии в 1773 г. был «во время сражения с неприятелем при двоекратном разбитии многочисленной неприятельской конницы и янычар и отбитии батарей... при штурме крепости и в атаке прибывшего к ней неприятеля, при разбитии и при обращении в бег и при преследовании за оным, учинивши от неприятеля сильные четыре отпора с эскадроном, через врубления к ним, обращения в бег и доведены до самого совершенного разбития... на острове против Силистрии при заложении нашей батареи в случившуюся тогда от неприятеля из города вылазку находился в атаке до самой той батареи, от чего неприятель к тому покушению был не допущен, да и сверх того многократно и у прикрытия тех наших батарей был под самыми неприятельскими пушечными выстрелами» (Там же. Д. 2366. Л. 2 об., 3; Д. 2562. Л. 121 об., 122).

Таким образом, командный состав сибирских частей обладал достаточным боевым опытом как для выполнения поставленных перед ним задач, так и для передачи его молодым, составлявшим, как уже выяснили, значительную долю офицеров.

Наконец, почти никого из офицеров нельзя было упрекнуть в каких-либо преступлениях и нарушениях закона. Лишь 11 чел. в прошлом находились под военным судом по тем или иным обвинениям – ситуация, контрастировавшая с положением дел в гарнизонных частях Сибирского корпуса, где доля правонарушителей превышала 40 %. Важным государственным преступником мог считаться только прапорщик Сибирского полка С. Подгорный, бывший капрал лейб-гвардии Преображенского полка, которого в начале 1770-х гг. сослали в Сибирь за участие в заговоре с целью возведения на престол великого князя Павла Петровича [Мильников, 2002, с. 330] с условием: «Без особливаго указа ни в какие чины производить и из Сибири во всю жизнь отлучать и отпус-

кать внутрь России не велено» (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2562. Л. 137 об., 138). Однако позже его признавали не только годным к продолжению службы, но и достойным к повышению в чине. Его сослуживец, полковой комиссар Г. Пуховский (из польских шляхтичей), поступил в русскую армию в 1768 г. и сразу же принял участие в боях со своими соотечественниками – польскими конфедератами. Впоследствии он попытался бежать из России, за что и был послан продолжать службу в Сибири (Там же. Л. 139 об., 140).

Неоднократно оказывались под судом лишь двое офицеров. Подпоручик 2-го егерского батальона А. Нечаев еще в 1774 г. был лишен капральского чина в лейб-гвардии Семеновском полку за недонесение властям о том, что у его брата «имеют пристанище подозрительные люди», а в 1781 г., уже находясь в Тобольске, пил вино с одним из арестованных колодников в компании сержанта Рьжкова, после чего был разжалован из сержантов в рядовые до выслуги (Там же. Д. 1989. Л. 90 об., 91). Капитан Апарин за время службы в Моздокском гарнизонном батальоне до 1779 г. неоднократно попадал под арест: «За поношение непристойными словами адъютанта был арестован 15 дней и содержался на хлебе и воде... за усмотренное при обучении салдат пьянство и за битье их безвинно арестован был на неделю и содержался на хлебе и воде... за рапортование себя ложно болным содержался на хлебе и воде неделю» (Там же. Д. 1292. Л. 42 об., 43). Кроме того, он избил батальонного командира секунд-майора Аникеева, за что более двух лет «содержался при гобвахте скованным в железах», после чего был разжалован на полгода из подпоручиков в рядовые и определен на службу в Сибирский корпус, где вел себя вполне благопристойно. В прочих случаях за незначительные проступки и дисциплинарные нарушения – удержание жалования у своего денщика, слабое наблюдение за арестантами при нахождении в карауле у тюремного острога, слабый надзор за подчиненными по команде и т. п. – военные власти, как правило, ограничивались несколькими днями или неделями содержания под арестом на гауптвахте.

Изученные нами данные позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, после реорганизаций в середине 1770-х – середине 1780-х гг. офицерский состав полевых частей Сибирского корпуса претерпел существенные качественные изменения. Среди офицеров стали преобладать выходцы из дворян, хотя в большинстве своем и принадлежавшие к мелкопоместным фамилиям. Кроме того, значительно возросла доля молодых обер-офицеров, которые ранее числились в составе полков лейб-гвардии и для которых назначение в Сибирский корпус становилось началом их действительной военной карьеры. Однако среди командиров полевых частей были офицеры с довольно богатым боевым опытом, приобретенным на полях сражений, они были в состоянии передать его своим подчиненным.

Служба в русской армии к концу царствования Екатерины II по-прежнему считалась престижной и привлекала множество выходцев из разных государств Европы, а также уроженцев Прибалтики («остзейцев»). Другое дело, что в полевых полках и батальонах Сибирского корпуса мы почти не встречаем уроженцев Сибири. Кадровая политика в 1730–1750-х гг., когда в гарнизонных и полевых частях, дислоцированных к востоку от Урала, охотно принимали в офицерские чины детей местных бояр и выходцев из казаков, сменилась в царствование Екатерины II: в состав Сибирского корпуса переводили армейских офицеров из полевых полков, несших службу в европейской части страны. К концу 1780-х гг. это уже стало государственной политикой комплектования сибирских подразделений. И если гарнизонные части нередко пополнялись не лучшими, а скорее худшими (по боевым, карьерным и дисциплинарным показателям) представителями офицерского корпуса, то полевые полки и батальоны в этом отношении стояли на одном уровне с прочими частями русской армии тех лет.

Дальнейшее изучение введенных нами в научный оборот материалов источников позволит, на наш взгляд, конкретизировать и обосновать сформулированные гипотезы, в том числе определить, какое место занимали воинские части Сибирского корпуса в структуре всей армии и насколько условия жизни и службы на восточной окраине империи могли оказывать воздействие на кадровый состав военнотружущих указанных частей, их карьеру, социальный статус и материальную сторону службы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 20. 1046 с.; Т. 43. Ч. 1. 864 с.

Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 489. Оп. 1. Д. 1292. Л. 40–104; Д. 1985. Л. 6–98; Д. 1989. Л. 21–112; Д. 2366. Л. 1–35; Д. 2562. Л. 121–159; Ф. 490. Оп. 3. Д. 83. Л. 136–216, 334–341; Д. 127. Л. 405–456, 711–718; Оп. 5. Д. 494. Л. 325–381; Д. 508. Л. 786–850.

Библиографический список

- Альбовский Е.* История Иркутского полка (50-й драгунский Иркутский полк). Минск, 1902. 316 с.
- Андрейчук С. В.* Особенности укомплектования и снабжения Сибирского корпуса в начале 1770-х гг.: опыт и проблемы // Вестник алтайской науки. 2009. № 3. С. 121–129.
- Андрейчук С. В.* Сибирский корпус в системе военной безопасности на юге Западной Сибири (1745–1808 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2010. 24 с.
- Андрейчук С. В.* Становление Сибирского корпуса: структура, численный состав и принципы дислокации (1745–1771 гг.) // Военно-исторический журнал. 2011. № 3. С. 38–42.
- Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XVIII веке (Очерки). М., 1958. 662 с.
- Быконя Г. Ф.* Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв. Формирование военно-бюрократического дворянства. Красноярск, 1985. 299 с.
- Висковатов А. В.* Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб., 1899. Ч. 4. 228 с.
- Волков С. В.* Русский офицерский корпус. М., 1993. 368 с.
- Дмитриев А. В.* Командный состав полевых полков Сибирского корпуса во второй половине 1760-х гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2015. № 2 (139). С. 100–111.
- Дмитриев А. В.* Легкие полевые команды Сибирского корпуса в начале 1770-х гг. // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2015. Т. 1. № 2 (2). С. 148–155.
- Зуев А. С.* Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII – первой половине XIX вв. Новосибирск, 1994. 191 с.
- Зуев А. С., Дмитриев А. В.* Армейские регулярные части в Сибири в XVIII – начале XIX в.: численность, состав, дислокация // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 1: История. С. 17–29.
- Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Русская пехота, 1698–1801: Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М., 1995. 296 с.
- Мыльников А. С.* Петр III: Повествование в документах и версиях. М., 2002. 512 с.
- Татарников К. В.* Предисловие // Послужные и смотровые списки русской армии 1730–1796 гг. в собрании РГВИА. Межфондовый указатель / сост., вступ. ст., офор. К. В. Татарников. М., 2013. Т. 1. С. 3–42.

Дата поступления рукописи в редакцию 24.02.2016

OFFICERS OF THE FIELD TROOPS OF THE SIBERIAN CORPS IN THE LATE XVIII CENTURY

A. V. Dmitriev

Novosibirsk State National Research University, Pirogov str., 2, 630090, Novosibirsk, Russia
khaldeus@academ.org

The article is devoted to the study of the personnel and inner structure of the Siberian corps' field troops in the last decades of the 18th century. The paper is based on the service records of the Siberian corps' officers from fund 489 of the Russian State Military History Archive (Moscow). The author examines the data, concerning officers from two dragoon regiments, two chasseur and two musketeer battalions, that have composed about a half of the Siberian corps' entire number of field troops. The author states that the officers of the Siberian corps' field troops experienced a number of significant changes after some restructuring since the mid-1770s to the mid-1780s. The officers from the nobility now began to prevail, but most of them came from the families holding a small property. In addition, the quota of young officers, who had served in the Guards regiments previously, significantly increased. At the same time, the author found quite a few people among the officers of field regiments and battalions of the Siberian corps

who originated from Siberia itself. The recruitment policy of the 1730s–1750s, when people from the Siberian Cossacks and other local groups had been promoted to officer ranks both in field and garrison troops, was changed by Catherine II. By the last decades of the 18th century, the supreme power preferred to transfer army officers from the troops, stationed in European Russia, to the Siberian corps. Its field regiments and battalions were therefore at the same level as all other Russian Imperial troops of the period.

Key words: Siberian corps, field troops, officers, Russian army, nobility, Guards.

References

- Al'bovskiy E.* Istoriya Irkutskogo polka (50-y dragunskiy Irkutskiy polk). Minsk, 1902. 316 s.
- Andreychuk S. V.* Osobennosti ukomplektovaniya i snabzheniya Sibirskogo korpusa v nachale 1770-kh gg.: opyt i problemy // Vestnik altayskoy nauki. 2009. № 3. S. 121–129.
- Andreychuk S. V.* Sibirskiy korpus v sisteme voennoy bezopasnosti na yuge Zapadnoy Sibiri (1745–1808 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Barnaul, 2010. 24 s.
- Andreychuk S. V.* Stanovlenie Sibirskogo korpusa: struktura, chislennyi sostav i printsipy dislokatsii (1745–1771 gg.) // Voенно-istoricheskii zhurnal. 2011. № 3. S. 38–42.
- Beskrovnyy L. G.* Russkaya armiya i flot v XVIII veke (Ocherki). M., 1958. 662 s.
- Bykonya G. F.* Russkoe nepodatnoe naselenie Vostochnoy Sibiri v XVIII – nachale XIX vv. Formirovanie voenno-byurokraticheskogo dvoryanstva. Krasnoyarsk, 1985. 299 s.
- Dmitriev A. V.* Komandnyy sostav polevykh polkov Sibirskogo korpusa vo vtoroy polovine 1760-kh gg. // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki. 2015. № 2 (139). S. 100–111.
- Dmitriev A. V.* Legkie polevye komandy Sibirskogo korpusa v nachale 1770-kh gg. // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates. 2015. T. 1. № 2 (2). S. 148–155.
- Leonov O. G., Ul'yanov I. E.* Russkaya pekhota, 1698–1801: Boevaya letopis', organizatsiya, obmundirovanie, vooruzhenie, snaryazhenie. M., 1995. 296 s.
- Myl'nikov A. S.* Petr III: Povestvovanie v dokumentakh i versiyakh. M., 2002. 512 s.
- Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 1-e. SPb., 1830. T. 20. 1046 s.; T. 43. Ch. 1. 864 s.
- Rossiyskiy gosudarstvennyy voенно-istoricheskii arkhiv. F. 489. Op. 1. D. 1292. L. 40–104; D. 1985. L. 6–98; D. 1989. L. 21–112; D. 2366. L. 1–35; D. 2562. L. 121–159; F. 490. Op. 3. D. 83. L. 136–216, 334–341; D. 127. L. 405–456, 711–718; Op. 5. D. 494. L. 325–381; D. 508. L. 786–850.
- Tatarnikov K. V.* Predislovie // Posluzhnye i smotrovye spiski russkoy armii 1730–1796 gg. v sobranii RGVIA. Mezhfondovyy ukazatel' / Sost., vstup. stat'ya, oforml. K. V. Tatarnikov. M., 2013. T. 1. S. 3–42.
- Viskovatov A. V.* Istoricheskoe opisanie odezhdy i vooruzheniya rossiyskikh voysk. SPb., 1899. Ch. 4. 228 s.
- Volkov S. V.* Russkiy ofiterskiy korpus. M., 1993. 368 s.
- Zuev A. S.* Russkoe kazachestvo Zabaykal'ya vo vtoroy chetverti XVIII – pervoy polovine XIX vv. Novosibirsk, 1994. 191 s.
- Zuev A. S., Dmitriev A. V.* Armeyskie regulyarnye chasti v Sibiri v XVIII – nachale XIX v.: chislennost', sostav, dislokatsiya // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, filologiya. 2012. T. 11, vyp. 1: Istoriya. S. 17–29.